

Перед тем как уйти в комнату изучать Подвеску единого сердца, Ци Гу включил для Линь Ханьчжи фонари во дворе, опасаясь, что в темноте ему будет трудно искать.

Подумав, он добавил:

— Если тебе страшно искать одному, можешь взять с собой золотую жабу.

— Не страшно. Это твой дом. Чего мне бояться у тебя дома?

Щёки Ци Гу слегка порозовели. К счастью, вечернее небо и без того было красным, багряный свет заливал землю, и на его фоне румянец почти не бросался в глаза.

— Тогда до встречи.

С этими словами Ци Гу чуть ли не бегом скрылся в комнате вместе с Подвеской единого сердца.

Следы Ци Гу в Фуай найти было несложно. В конце концов он придумал эту игру не для того, чтобы поставить Линь Ханьчжи в тупик, а как раз чтобы тот всё нашёл.

В залитом вечерним светом дворе стоял давно засохший, но всё ещё прямой ствол дерева. На нём виднелось множество царапин на разной высоте — очевидно, отметки роста Ци Гу.

Линь Ханьчжи медленно провёл пальцами по каждой риске. Перед глазами словно возникал маленький Ци Гу, который раз за разом вставал рядом с сухим деревом, а учитель отмечал его рост.

Наверное, дети редко не любят измерять рост. Все хотят поскорее вырасти, поэтому обычно сами охотно участвуют в таком деле.

В какой-то период Линь Ханьчжи тоже отчаянно мечтал стать взрослым и обрести силу.

Ци Гу, очевидно, не был исключением. В определённом месте отметки шли особенно часто — через каждый сантиметр-два появлялась новая.

Линь Ханьчжи поднял взгляд, прикинул, на какой высоте Ци Гу оставил бы отметку сейчас, и подумал: потом прижмёт его к этому стволу и сам измерит.

Если бы они знали друг друга в те годы, если бы уже были друзьями, возможно, на дереве сейчас шли бы две параллельные линии роста.

Хотя... сам он тогда был настолько молчалив, что, останься они вдвоём с Ци Гу, пожалуй, весь разговор пришлось бы вести выражениями лиц.

Линь Ханьчжи представил эту картину и решил, что ничего плохого в этом не было бы.

Пока он так рассеянно думал, золотой ворон-солнце скрылся на западе, и тьма поглотила небо. Паломники ушли ещё тогда, когда Ци Гу и Линь Ханьчжи поднялись на гору. Теперь вокруг стояла тишина, лишь листья шелестели среди неподвижной растительности.

Фонари, расставленные вдоль дорожек и среди цветов, напоминали рассыпанные по небу звёзды. На первый взгляд хаотично, но вместе они освещали весь двор без единого тёмного угла.

Линь Ханьчжи продолжал искать и по частям складывать детство Ци Гу.

Ощущение было странным, но очень приятным. Словно Ци Гу доверял ему настолько, что готов был разложить перед ним всю свою жизнь, не оставляя между ними секретов.

В какой-то момент мимо пропрыгала золотая жаба, пытавшаяся переварить слишком обильное угощение. Она спросила, нужна ли помощь, но Линь Ханьчжи решительно отказался.

Золотая жаба: понятно. Значит, у них тут любовная игра. Тогда не мешаю.

И шлёп-шлёп усакала прочь.

Следующей находкой стали отметки, вырезанные Ци Гу на большом камне. Похоже, маленький Ци Гу записывал таким способом события, которые считал достойными памяти.

Большинство было связано с учителем. Ци Гу с детства говорил мало, и даже события описывал предельно кратко: несколько иероглифов, только суть, ни одного лишнего слова. Линь Ханьчжи понимал далеко не всё, зато по почерку мог определить, какие надписи появились раньше, а какие позже.

Один знак, впрочем, он понял сразу: Ци Гу нарисовал простенького цыплёнка. Один рисунок означал один съеденный куриный обед. Судя по количеству таких отметок, учитель с учеником за эти годы съели немало курицы.

С лаской из Хуайшуй им наверняка нашлось бы о чём поговорить.

Перед глазами Линь Ханьчжи возник крошечный, трёхголовый по пропорциям Ци Гу, который с невозмутимым лицом вырезает на камне схематичного цыплёнка. Сердце у Линь Ханьчжи растаяло.

Если бы он увидел такого маленького Ци Гу, то, возможно, сгоряча просто купил бы для него целую птицеферму.

Но один знак привлёк его внимание сильнее других. Это было грустное лицо — единственная отметка на исписанном камне, в которой явно выражалась эмоция.

Что тогда произошло? Из-за чего Ци Гу нарисовал здесь плачущее лицо?

Линь Ханьчжи задумался.

Ци Гу, которого он знал сейчас, был невероятно спокойным. Его глаза напоминали глубокую тихую воду, а настоящие эмоции редко показывались наружу. Если что-то заставило его оставить такой рисунок, тогда... наверное, ему было очень больно.

Линь Ханьчжи старался почувствовать каждую частицу Ци Гу и сохранить все эти эмоции у себя в сердце.

После этого он продолжил поиски.

Третий след спрятался особенно хитро — на поперечной балке главного зала. Линь Ханьчжи заметил его лишь случайно. Там стояли две поминальные таблички, рядом лежала выцветшая обёртка от молочной конфеты «Белый кролик», вся в многочисленных сгибах. Под ней были прижаты несколько сложенных листков бумаги с неумелыми детскими иероглифами. Пыли на них не было — очевидно, бумаги часто доставали и перечитывали.

Имена на поминальных табличках Линь Ханьчжи ничего не говорили. Он никогда их не слышал. Судя по годам рождения и смерти, перед ним, вероятно, были мать и дочь — по крайней мере разница в возрасте подходила.

Он поклонился табличкам, а затем взял сложенные письма.

*

Когда Ци Гу было восемь лет, он однажды собирал в горах дикие плоды и случайно познакомился с женщиной, пришедшей туда с той же целью. Она была старше его на два двенадцатилетних цикла — примерно на двадцать четыре года.

Женщину звали Ван Сянсю. Она была мягкой, носила длинные волосы, а на лице почти всегда виднелись синяки. Практически при каждой встрече Ци Гу замечал новые.

Когда он спрашивал, откуда они, Ван Сянсю неизменно отвечала, что плохо лазает по деревьям и опять неудачно упала, собирая плоды. После этого рассказывала, где уже поспели ягоды или

фрукты, чтобы Ци Гу тоже мог сходить туда.

Так бедная взрослая женщина и бедный ребёнок завязали неглубокое, но устойчивое знакомство. Они не делились сокровенным: просто здоровались при встрече, обменивались взглядами или сообщали друг другу о новом месте, где можно что-нибудь собрать.

Лишь через полгода Ци Гу узнал, что у Ван Сянсю есть дочь. Девочка была примерно его ровесницей, но в школу не ходила: с рождения у неё были нарушения интеллекта, и спустя несколько дней после поступления её отправили домой.

Разумеется, сама Ван Сянсю об этом не рассказывала. Ци Гу позже услышал всё от жителей деревни у подножия горы. Она принадлежала к старшему, традиционному поколению, которое придерживалось правила: «семейные несчастья из дома не выносят».

Вскоре после того, как Ци Гу узнал о дочери Ван Сянсю, в самый обычный день, когда не было ни праздников, ни каникул, в школе ему выдали розовую памятку о профилактике утоплений.

Тогда он не придавал ей значения. Такие листки каждый школьник получал по несколько раз в год, они давно всем надоели.

Некоторые особенно озорные дети ещё до конца урока складывали памятки в розовые самолётики и — фью-фью-фью — запускали их в окно, прямо в синее небо.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949180>